

УДК 101

***А.А. Шматько***

*кандидат исторических наук*

*Армавирская государственная педагогическая академия*

*г. Армавир, Россия*

*alex79andr@mail.ru*

***А.Д. Похилько***

*доктор философских наук, профессор*

*Армавирская государственная педагогическая академия*

*г. Армавир, Россия*

*nauka2007-2008@mail.ru*

***М.А. Губанова***

*кандидат философских наук*

*Армавирская государственная педагогическая академия*

*г. Армавир, Россия*

*gubanovama2012@ya.ru*

## МОДАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

**[*Shmatko A.A., Pokhilko A.D., Gubanov M.A.***

**Modalities of social transformation]**

The article focuses on the study of contemporary problems of social transformation that requires a reference to the methodology of civilized approach, in particular, sociological, axiological, anthropological method, historicism. The concept of social transformation in this case extends to the concept of "social and historical transformation". Socio-historical transformation can be interpreted as a historical process of social transformation, which is closely linked to environmental, cultural, economic, political, individual and personal and other components of social change. Modality in the general (logical) sense of the word means substantive content of pure form of more information. Modality is more specific, methodological aspect case content filling forms (species) of one or another social transformation, and at the same time, some deviation of the ideal plan of the modernization process. In this respect, social transformation, not only historical, but also polymodal. Exploring one modality, we can not forget about the others, from the effects of which they are temporarily abstracted in this context.

Key words: social transformation, modality, history, politics, culture, methods of social research methodology.

Необходимо решать задачи социальной трансформации российского общества в многообразии ее различных аспектов, соотносить историю и современность при рассмотрении проблемы модальностей социально-политической трансформации. Модальность означает содержательную наполненность формы (разновидности) той или иной социальной трансформации и в то же время некую девиацию реальности, скажем, модернизационного процесса по сравнению с его планом, проектом, программой, идеологией и т.д. Такой поиск дополнительных цивилизационных вариантов исторического развития не означает отказа от расширения поиска и типологизации самих форм социальных трансформаций. Мы могли бы обратить внимание на многомерную модель социокультурного процесса трансформаций, в который включена и антропологическая составляющая, или так называемый «человеческий фактор». В самой социальной трансформации снятом виде содержится трансформация культурная и трансформация социальных субъектов этого процесса вплоть до индивида.

Полоса исторических преобразований, пробивших себе дорогу сначала в Центральной Европе, а потом с конца восьмидесятых – начала девяностых годов и в бывших республиках Советского Союза, получила в научной литературе терминологическое оформление как «трансформация» [5]. Очевидно, трансформация затрагивает все сферы общества, поэтому можно вести речь, во-первых, об экономической трансформации, во-вторых, о социальной трансформации (трансформации социальной сферы – социальной структуры), в-третьих, о политической трансформации, в-четвертых, о духовной трансформации (или о масштабных социокультурных формообразованиях). Ввиду специфики российского общества политическая компонента трансформации занимала и занимает центральное место в процессах радикального преобразования всех сфер общественной жизни.

Понятие «социально-политическая трансформация» в большей мере применяют к радикальному преобразованию системы государственного и общественного управления в России с 1917 г. Такая актуальность возрастает в связи со сложностью дальнейшего пути российской истории. Социально-политические преобразования на территории бывшего Советского Союза, качественные изменения всех сфер жизнедеятельности российского общества, в частности, его геополитического положения, попытки научного, политологического и общесоциального осмысления этих процессов обнаружили суще-

ствующие и сегодня границы понимания эволюции общественных организмов в периоды их качественных трансформаций. Дальнейшее продвижение в этой сфере общественной мысли возможно, на наш взгляд, при решении важных общих концептуальных проблем и проведении ряда конкретно-исторических и философско-методологических исследований.

Одной из научных проблем важных для понимания всей российской истории, и особенно XX века, была и остается проблема становления советской политической системы (Советской России и СССР). Октябрьская революция явилась тем событием, которое наложило неизгладимый отпечаток на российскую историю новейшего времени, определив объективные границы современных трансформаций России, их историческую форму. Данная научная проблема остается в центре внимания политических идеологов.

Октябрьская революция, действительно, открыла новую мировую эпоху управления глобальными общественными процессами в рамках регионов, государств и их объединений, всего мирового сообщества [10]. Революции XX в. – это, скорее, не стихийные объективные социальные скачки, которые были в XVIII-XIX вв., а социальная сознательная система действий и экспериментирования. За красивыми «рассказами по истории» (с чем многие до нашего времени ассоциируют науку истории) родилась точная наука, применение которой в социально-политических целях без нравственной ответственности влечет социальные, политические, научные и технологические, культурные и духовные разрушения в обществе.

Физика и историка в качестве социальных типов чистых ученых сменили в настоящее время ученые-инженеры, проектирующие социальность ученые-технологи. Социальные катастрофы тем самым из естественно-исторических явлений превратились в планомерно и сознательно подготавливаемые, а затем осуществляемые сценарии (модели и эксперименты). В результате «социальные инженеры» конца XX – начала XIX в. стали вести речь о так называемом «конце истории», о возникновении во всемирной истории вместо промысла, «игры» Бога или естественно-исторической закономерности нового субъекта целеполагания и управления историческим процессом.

Идеи К. Маркса и В.И. Ленина, в которых речь идет о сломе государства, о революции сменились идеями М. Вебера, П.А. Сорокина и других мыслителей, утверждавших необходимость более плавных и обоснованных социаль-

но-политических трансформаций. В настоящее время общественные, государственные и социально-политические трансформации исследуют А.С. Ахиезер [1], И. Валлерстайн [4], В.С. Лешуков [7], М.В. Масловский [9] и другие. Основной задачей статьи является рассмотрение социальной трансформации социальной структуры и политических институтов российского и советского общества первой половины XX в. В то же время можно поставить вопрос более широко: о специфике российских социально-политических трансформаций во всей истории, намечая перспективу подобного анализа. В этом отношении можно воспользоваться принципом конкретного историзма: в анатомии человека лежит «ключ к анатомии обезьяны» [8]. Иными словами, революции XX в. выявляют скрытые исторические тенденции развития общества. Речь идет о патерналистской традиции в политической жизни России.

Н.А. Бердяев в сборнике статей «Судьба России» (1918) указывал на то, что географические факторы имели огромное значение в формировании национального характера. Широте российских просторов соответствует широта «души», натуры человека [3]. Одновременно это способствовало укреплению жесткой вертикали власти, которая не давала возможности для развития хотя бы простых элементов непосредственной демократии. В другой своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он отмечает, что русский коммунизм – это трансформация русской мессианской идеи [2]. Он связан с традиционно-русским характером человека, его способность к самопожертвованию, с другой стороны, абсолютизация государства, деспотизм, слабое осознание прав человека и опасность массового сознания и безликого коллективизма.

На основе ряда опубликованных и неопубликованных материалов и источников проведено в свое время конкретно-историческое исследование коренной проблемы становления политической системы в Советской России как целостности, т.е. единства возникновения и исчезновения всех составляющих ее элементов [12]. При этом был получен новый ракурс рассмотрения проблемы на доступном концептуальном и эмпирическом материале, возникло понимание основных элементов в строении советской политической системы. На наш взгляд, следует пересмотреть хронологические границы становления данной политической системы и периодизация этого процесса. Обычно это связывают с окончанием становления однопартийной системы. Сам термин «однопартийная политическая система» обычно неосознанно ве-

дет авторов за собой и невольно возникает представление, что если остается одна партия, то это уже и есть завершение процесса становления однопартийной политической системы. Несомненно, что это важнейший ее элемент и признак, но вовсе не единственный, поскольку политическая система вовсе не сводится к партиям и их количеству. Надо вспомнить, из каких элементов она состоит, проследить, как происходит этот процесс и в какие временные сроки. Например, потребовалось уточнение статуса такой организации, как Викжель, открытие такого важного элемента политической системы как общественно-государственная организация, что поставило вопрос о многообразии альтернатив. Это заставило обратиться к вопросам методологии.

Теоретико-методологическая основа подобного исследования социально-политических трансформаций должна быть представлена многоуровневой взаимосоотнесенной концептуальной системой, в которой становление политической системы представлено как многофакторный процесс в условиях распада социально-политической системы прежней Российской Республики. Логика социально-политических трансформаций шла по линии свертывания демократических общественных организаций и союзов. Становление однопартийной системы закончилось лишь в тридцатые годы, когда сложилась система новых общественных организаций, вплоть до кооперативов и профсоюзов, которые стали полностью контролируемы и подчинены партии большевиков.

Среди небольшевистских социально-политических альтернатив интерес представляет анализ эсеровской идеи общественно-государственных организаций. Такие организации, как они считали, должны были образовать основу для базы доверия между государством и обществом, установления гражданского мира в России, шагом на пути созревания элементов социализма. Подобная общественно-государственная организация, по их мысли, должна была объединить и гармонизировать потребности и интересы государства, общества, отдельных его профессиональных групп и стать цементирующей силой российского общества. Большевики не были готовы к подобному сотрудничеству с общественными или общественно-государственными организациями, которые они не могли использовать в своих политических интересах.

Важнейший момент в социально-политических трансформациях состоял в том, что по программным установкам большевики объявили об учреждении Республики на основании свободного союза наций, федерации национальных

республик, вместо административно-территориальных единиц. Национально-государственное строительство в результате получило две таких формы автономии как политическую и административную (республика и область), заложивших основу той асимметричной модели федерации, которая и в наше время постоянно угрожает конфликтными ситуациями.

Хотелось бы отметить взаимосвязь социальной (в широком смысле этого слова), социально-политической и социокультурной трансформации в истории России. Важнейшая особенность российской истории заключается в том, что в ней преобладает принцип коллективизма. Соответственно и субъект социокультурного действия является соборным. Социокультурное формообразование в широком аспекте социальной динамике – это и есть социокультурная трансформация. Культурные основания политических преобразований в послереволюционной России состоят в «омассовлении» духовной культуры.

В этом смысле российская культура стала массовой еще до появления на Западе массовой культуры, которая опиралась на средства массовой информации. На наш взгляд, техника манипуляции общественным сознанием состояла в том, что вместо радио и телевидения действовали механизмы социальной машины в мэмфордском смысле этого слова, например, мощные коллективистские механизмы агитации и пропаганды. Семиотическими основаниями социокультурных трансформаций явились такие формы печатного слова, как газета и кино. Эти формы культуры повлияли на ментальность как достаточно слабого в личностном отношении горожанина, так и неграмотного крестьянина. Политическая идеология насилия входит во все критонормированные формы культуры. Преобразуется быт, и в этот новый быт входят «лампочка Ильича», «новояз» и прочие средства тоталитарного контроля над сознанием масс. Многообразие все больше сменяется единообразием, культурный плюрализм и диалогизм – монологизмом. Слом старой гуманистической традиции в истории российской культуры сопровождался насаждением «пролетарской культуры» (массовой культуры в ее крайне политизированной форме).

В то же время отметим мощный всплеск социальной энергии во время Великой Отечественной войны. Он объясняется соединением всех составляющих социокультурной трансформации в СССР: социально-политической, социокультурной, духовной и личностной компонент в одно целое. Война смягчила внутренний социальный механизм сверхнасилия как средства соци-

альной модернизации советского общества, поскольку насилие было переориентировано во внешнюю сторону. Появились симптомы оздоровления общества. Пробуждается патриотизм и отступает в сторону пролетарский интернационализм. Возникает, как и после Отечественной войны 1812 года стремление к демократизации общества. Личность, закаленная в ходе острейшего кризиса, начинает становиться гражданином. Реабилитируются церковь и религия. В послевоенное время резко усиливается тяга к образованию, духовной культуре, нравственности.

Советская однопартийная политическая система России в период своего становления предстает как сложное противоречивое единство элементов прежней, старой и новой политических систем. Общие закономерности становления советской политической системы (государственных, политических и общественных организаций) имели своим основанием национальную специфику культуры и характер русского человека. Непротивление злу насилием естественно дополняется сверхнасилием государства над личностью и нивелирует индивидуальность. История социально-политических трансформаций в период с 1917 года тридцатых годов – это процесс уменьшения количества альтернатив развития и массовизации советского общества. Русский коммунизм явление закономерное и многогранное, еще не до конца понятое. Одно из объяснений состоит в обнаружении тесной взаимосвязи политики и культуры. Культурные трансформации не только зависят от социально-политических трансформаций, но и, наоборот, служат основой для политических преобразований. Кризисы в обществе равновелики экзистенциальным кризисам. Проблема политического плюрализма связана с проблемой становления гражданского общества в России. Гражданское общество соединяет частные и общественные интересы, решая вопросы собственности в интересах народа. Поэтому о политическом плюрализме в России говорить рано [6]. Это историческая перспектива. Трансформация общества является историческим процессом. Поэтому можно ввести новое понятие «социально-историческая трансформация». К этому понятию приблизилась Е.О. Новожилова [11].

Таким образом, исследование проблемы современных социальных трансформаций требует обращения к методологии цивилизационного подхода, в частности, социологическому, аксиологическому, антропологическому методам, методу историзма. Понятие социальной трансформации в таком случае

расширяется до понятия «социально-историческая трансформация». Социально-историческая трансформация может быть интерпретирована как исторический процесс общественных преобразований, в котором тесно связаны экологические, культурные, экономические, политические, индивидуально-личностные и другие составляющие социальных изменений. Модальность в самом общем (логическом) смысле этого слова означает содержательную наполненность чистой формы дополнительной информацией, ценностями и смыслами. В этом отношении социальные трансформации не только историчны, но и полимодальны. Исследуя одну модальность, нельзя забывать о других, от влияния которых временно абстрагируются в данном контексте. Социально-историческая трансформация в России отличается доминированием политической модальности.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахиезер А.С.* Социокультурные основания и смысл большевизма / А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, М.А. Шуровский и др. Новосибирск, 2002.
2. *Бердяев Н.А.* Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2006.
3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.
4. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ // Время мира. Альманах. Вып.1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000.
5. *Данилов А.Н.* Переходное общество: Проблемы системной трансформации. Минск, 1998.
6. *Иванков А.В.* Проблемы и перспективы развития российского политического плюрализма // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. <http://hses-online.ru/2014/02/03.pdf>
7. *Лешуков В.С.* Трансформация партийных систем России и Украины в 1991-2011 годы: сравнительный анализ / Автореф. дис. канд. полит. наук. Саратов, 2012.
8. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.



9. *Масловский М.В.* Социальная структура, социальные институты и процессы / Дис докт. социол. наук. Нижний Новгород, 2004.
10. *Миц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. М., 1977-1979.
11. *Новожилова Е.О.* Социально-исторический процесс: экологическое измерение (социально-историческая экология) / Дис докт. социол. наук. СПб., 2013.
12. *Шматько А.А.* Реконструкция революционного опыта в России. Армавир, 2013.

## REFERENCES

1. *Akhiezer A.S.* Social and cultural foundation and meaning of Bolshevism / A.S. Akhiezer, A.P. Davydov, M.A. Shurovsky etc. Novosibirsk: Siberian chronograph, 2002.
2. *Berdyayev N.A.* Spiritual Foundations of the Russian Revolution. The origins and meaning of Russian communism. M., 2006.
3. *Berdyayev N.A.* The fate of Russia. M., 1990.
4. *Wallerstein I.* World-system analysis / Immanuel Wallerstein // World time. Almanac. Issue 1. Historical macrosociology in the XX century / Edited. N.S. Rozov. Novosibirsk, 2000.
5. *Danilov A.N.* Transitional society: problems of system transformation. Minsk, 1998.
6. *Ivankov A.V.* Problems and prospects of development of Russian political pluralism // Humanities and social sciences. 2014. № 2. <http://hses-online.ru/2014/02/03.pdf>
7. *Leshukov V.S.* The transformation of party systems of Russia and Ukraine in 1991-2011 years: Comparative Analysis: Thesis for the candidate of political sciences. Saratov, 2012.
8. *Marx K.* Introduction (From Economic Manuscripts 1857-1858 period) // K. Marx and F. Engels. 2nd ed. Vol. 12.
9. *Maslowski M.V.* Social structure, social institutes and processes: Thesis for the candidate of social study. Nizhny Novgorod, 2004.

10. *Mintz I.I.* The history of the Great October Revolution. The 3 vol. 2nd ed. M., 1977-1979.
11. *Novozhilova E.O.* The socio-historical process: the environmental dimension (social and historical ecology). Thesis for the Ph.D. of social study. St. Petersburg, 2013.
12. *Shmatko A.A.* Reconstruction of the revolutionary experience in Russia. Armavir, 2013.

*20 июля 2015 г.*

---